

УДК 168.5

DOI: 10.15372/PS20210304

С.А. Смирнов**НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА:
ОТ КРУЖКА К ИНСТИТУЦИИ****(на материале научных школ в философских науках)**

В статье дается методологический анализ проблемы становления научного сообщества как институции. На разных примерах из истории философии показано становление научных сообществ начиная с неформальных семинаров и кружков и заканчивая зрелыми институциональными формами. Выделены основные критерии, по которым можно судить о процессе становления научного сообщества как институции. Также показано, что вопрос о научных сообществах должен быть тесно увязан с проблемой этоса науки. Автор показывает историю изменения представлений об этосе науки в работах Р. Мертон и Т. Куна. В статье представлена роль поведенческой и социальной моделей этоса научного сообщества в его становлении как институции. Без этоса науки становление научного сообщества как институции принципиально невозможно

Ключевые слова: наука; научное сообщество; этос науки; дисциплинарная матрица; научная парадигма

S. A. Smirnov**SCIENTIFIC COMMUNITIES:
FROM THE CIRCLE TO INSTITUTION****(based on the material of scientific schools in philosophical sciences)**

The article provides a methodological analysis of the problem concerning the formation of the scientific community as an institution. Various examples from the history of philosophy show the formation of scientific communities from informal seminars and circles to mature institutional forms. The main criteria are marked out which indicate the process of the formation of the scientific community as an institution. It is also shown that the issue of scientific communities should be closely related to the problem of the ethos of science. The author describes how ideas about the ethos of science have changed in the works of R. Merton and T. Kuhn. The role of the behavioral and social models of the ethos of the scientific community in its formation as an institution is considered. Without the ethos of science, the formation of the scientific community as an institution is impossible as a matter of principle.

Keywords: science; scientific community; ethos of science; disciplinary matrix; scientific paradigm

© Смирнов С.А., 2021

Давно известно, что ученые живут сообществами. Также известно, что «науки вообще» нет, а есть конкретные ученые. Нет просто математики и просто физики, а есть конкретные ученые-математики и ученые-физики с их способами самоорганизации научной деятельности в форме научных сообществ.

В настоящее время актуальным остается вопрос: что означают рождение, развитие и умирание научных сообществ? Как связана эта динамика с этосом науки, с правилами и принципами, которые проповедуются в научных сообществах?

Рассмотрим на конкретных примерах вопрос о том, что означает рождение научного сообщества и какие факторы позволяют ему из клуба и кружка стать зрелой институцией? Рассмотрим этот вопрос на примере жизни научных сообществ в гуманитарных науках. Но сначала – об этосе науки.

Этос науки. Р. Мертон

В свое время Р. Мертон перечислил основные признаки научного сообщества как социального института, имея в виду большей частью специфику научного профессионального сообщества, в котором выдвигаются требования, направленные на сохранение профессиональных признаков науки как социального института [7; 13; 14; 33]. Основным механизмом, определяющим функционирование науки, является наличие норм и в целом институтов, обеспечивающих производство и трансляцию этих норм. И поэтому Р. Мертон определил набор институциональных норм, держащих каркас науки как социального института и оформляющихся в некий «организованный скептицизм»¹.

Не будем перечислять эти нормы. Они давно известны, описаны и критически переосмыслены. В том числе и с точки зрения иной, неклассической модели науки, которую параллельно Р. Мертону предложили Т. Кун, П. Фейерабенд и др. (см. также [7])

Дело в том, что Р. Мертон при определении этоса науки опирался на классический идеал науки периода XVIII–XIX вв., который строился на представлении о базовой цели и ценности науки: наука производит дос-

¹ Позже были добавлены также принципы «рационализм» и «эмоциональная нейтральность» [13].

товерное знание, а ученый стремится к истинному знанию, и поэтому его деятельность должна выстраиваться в категориях служения истине, ученый служит науке, как служит священник своей религии.

Для Р. Мертон научное сообщество – каста ученых, бескорыстно служащих истине. Нормы, которые он сформулировал, базировались на старой классической онтологии: мир разумен, целесообразен и объективен. Поэтому познание мира должно быть также разумным и целесообразным, а знание должно быть объективным, соответствовать свойствам познаваемых объектов. А поведение ученого должно соответствовать разумности и осмысленности мира. Впрочем, позднее Р. Мертон выделил некоторые черты так называемой «патологии науки», но для него они выступали скорее исключением (потому и патология). В противовес патологии поведения ученого, заключающейся в использовании научных открытий для достижения корыстных целей и получения коммерческой выгоды, для личного обогащения, недобросовестной конкуренции, Р. Мертон определил набор долженствований-предписаний, которых классический ученый должен придерживаться. Это уже выглядело не как этос науки, а как совокупность пожеланий и увещаний, нечто вроде кодекса чести. В этом плане нормы по Р. Мернтону – недостижимый идеал, образец для подражания, а не статистические сведения с реальной картиной [13; 14; 33].

После того как Т. Куном было введено представление о том, что наука живет не истиной, а борьбой разных парадигм, носителями которых выступают разные научные сообщества, стало ясно, что объективно истины никакой нет (истина – это тоже конструкт, конвенция ученых, приписывающих знанию истинность, т.е. объективность), а есть разные представления о мире. И поэтому такие нормы, как универсальность и достоверность, не могут быть нормами. Они скорее выступают этическими регулятивами, исходящими из идеального представления о поведении ученого, нежели директивными предписаниями [13].

Но нам важно обсуждать не сам по себе поведенческий этос науки, а то, как соотносятся научное сообщество и этос науки, выступает ли этос науки неким институциональным регулятивом, в соответствии с которым это сообщество и строится. Иначе говоря, выступает ли этос науки, т.е. система норм и правил поведения ученых при организации ими научной деятельности, некоей институциональной опорой, крепящей и оформляющей всю архитектонику научного сообщества как институции.

Так вот, общей целью научного сообщества Р. Мертон считал увеличение массива удостоверяемого научным сообществом знания. Иначе говоря, базовым процессом науки как институции являются производство, трансляция и хранение знания. Несмотря на то что Р. Мертон сформулировал этос науки на основе поведенческой модели, все же он исходил из приоритета: наука производит знание. Значит, производство достоверного знания должно быть ориентиром для выстраивания этоса науки, т.е. правил поведения конкретных ученых.

Это слишком суженное представление о базовом процессе в науке. В чем смысл самоцельности производства знания? Зачем оно? Есть гораздо более масштабные и осмысленные цели, показывающие необходимость занятия наукой. Внешне с точки зрения результата производство знания выступает характеристикой базового процесса. Но по смыслу и назначению ученый прежде всего занимается самоценной работой – он занимается исследованием процессов, и это его страсть и его идентичность, его смысл жизни. Это его любимое дело. Так же как энтомолог всю жизнь может бегать по полям и ловить любимых бабочек, собирая уникальную коллекцию, описывая редкие виды и публикуя про них статьи. Поэтому базовым процессом в науке является не само по себе производство знания, а создание условий для части людей, которые благодаря подключению к исследованиям и разработкам находят свое место в жизни, видят в этом свое предназначение. А то, что в исследовательской работе получается некоторое знание, которое к тому же может быть достоверным, общезначимым и принятым другими, – это уже отрядный, но не запланированный результат.

Например, как заявил Г.П. Щедровицкий, когда в начале 50-х годов прошлого века создавал Московский методологический кружок, его целью были восстановление российской интеллигенции и подготовка новых поколений мыслящих людей (см. ниже). А создатели Венского кружка заявили о выработке новой научной парадигмы в противовес метафизике и теологии. Фактически они предъявили иную *онтологическую установку* – установку на создание научно ориентированной философии, основанной на математике и логике (см. ниже). То есть представители новой научной генерации прежде всего предъявляют иные ценностные основания, а уже потом занимаются производством знаниевых конструкторов, строя для этого машины по производству знаний.

Эти цели выглядят более масштабными и более оправданными. И тогда эта задача становится целью жизни ученого. Участвуя в добычании, производстве научных знаний, он на самом деле сохраняет и вос-

производит постоянный опыт активного мышления, воспроизводит исследовательские и проектные практики.

Если же мы просто сведем науку к добыванию знаний, то научное сообщество будем путать с местом работы ученых. Последнее, как известно, не может быть ключевым критерием определения научного сообщества. Особенно в настоящее время. Сейчас во многих так называемых НИИ (особенно гуманитарного профиля) науки как реальной практики научного сообщества почти нет. Так же как нет, например, в школе образования человека как практики. Или в учреждении культуры нет реальных культурных практик.

Задавая базовый процесс (производство знаний), Р. Мертон обсуждает такую тему, как вклад каждого члена научного сообщества в производство знаний, и соответственно этому – проблему оценки роли каждого члена сообщества согласно этому вкладу. В связи с этим становится важным критерий признания вклада члена сообщества, а потому становятся важными капитализация вклада, его вес, значимость, рейтинг. И дальше по схеме – индекс цитирования и т.д. В итоге мы приходим к внешним показателям, которые становятся доминирующими при оценке деятельности ученого и научного сообщества (включая и так называемый совокупный индекс цитирования и проч.).

Правила для этоса науки были сформулированы как образец, которому должен следовать ученый. С тем чтобы соответствовать идеалу служения науке. Если ученый будет соответствовать этому идеалу, значит, его деятельность будет более плодотворной и успешной. Служение науке в таком случае описывается в категориях успеха, что вообще-то является парадоксом. Служение не может быть успешным, поскольку и не может быть эффективным. Но если внешние показатели успешности и цитируемости выходят на первый план, то тем самым они оказываются базовыми критериями оценки деятельности ученого, вступая в противоречие с исходной нормой этоса науки – нормой служения.

Жизнь в итоге внесла коррективы. Никакое служение не гарантирует научных открытий. Оно самоцельно и не обещает никаких результатов. Ученый может заниматься одной темой всю жизнь. Известен феномен «вечных лабораторий». Ученому в них платят просто за процесс. Но постепенно правила, регулирующие действие образца, оторвались от действий ученого и стали жить своей жизнью. И тогда индекс цитируемости, который вначале предполагалось использовать для оценки объективной значимости результатов научных исследований ученого, опубликованных в его работах, оторвался от того, ради чего был замыслен. Ин-

декс цитируемости можно просто «накачать». И поэтому индекс Хирша потерял смысл став самоцелью.

В отрыве от реальной научной деятельности индекс цитируемости становится превращенной формой показателя научности и успешности сообщества. Фактически доминирование такого критерия привело к тому, что деятельность ученого стали оценивать соответственно имитационной форме вклада – по его публикациям, содержание которых почти не обсуждается.

Все понимают, что принятый формат отчетности, который продолжают использовать в научных институтах РАН и Минобрнауки ретивые чиновники (отчетность по госзаданию по числу написанных статей с идентификатором doi), абсурден. Но другого варианта нет. А. Эйнштейн в 1905 г. опубликовал статью в журнале, работая в патентном бюро в Берне простым клерком. Это была статья по специальной теории относительности. Обычный клерк занимался оценкой заявок на изобретения и параллельно иногда писал научные статьи. Если оценивать его как ученого по количеству публикаций и чисто внешне, то результат будет весьма посредственным. Да и журнал, в котором была опубликована статья «К электродинамике движущихся тел», не был высокорейтинговым журналом. Статья, кстати, была написана не на английском, а на немецком языке.

В результате мы имеем дело с имитационными превращенными формами научных сообществ – кастами, трайбами, закрытыми сообществами, в которых на первом месте стоят ритуалы и процедуры, кодексы, неписанные правила поведения, статусы, регалии, научные иерархии и проч. [25; 26].

В то же время, как ни странно, романтический идеал модели поведения ученого и этоса науки по Р. Мертону жив и всегда жил, воспроизводясь в реальных биографиях конкретных ученых, несмотря на то что всякий раз он подвергался критике, переживая эрозию нормы. Само становление конкретных научных сообществ показывает, что их основатели и зачинатели прежде всего придерживались как раз базовых ценностей поведения ученого, они были служителями науки и потому многое сделали, демонстрировали жизнь интеллектуальных аскетов и предлагали выстраивание «строгой науки» на основе дисциплины ума и сердца. Это было характерно для всех наук, как естественных, так и гуманитарных. Такое стремление к служению и духовной аскезе предполагало базовое условие, а именно сохранение себя как ученого, стремление ученого к сохранению собственной идентичности и, соот-

ветственно, к сохранению самой науки, понимаемой очень широко – как сфера познания и преобразования мира, как сфера мышления и действия, неважно, в какой области знаний, в какой стране и в какой институции.

Это подтверждается даже статистическими данными, полученными в рамках социологических исследований. Отечественные ученые продолжают в большинстве своем проповедовать классический этос науки по Р. Мертону, живут по его ценностным правилам: служение, коллективизм, бескорыстие... Прежде всего это характерно для ученых, занимающихся фундаментальными научными исследованиями, что демонстрирует удивительно устойчивый классический менталитет ученых [13].

Научные сообщества и научные парадигмы. Т. Кун

Параллельно Р. Мертону Т. Кун уточнил ряд моментов в этосе науки, увязав его с тематикой научных сообществ и научных парадигм, введя представление о так называемой дисциплинарной матрице (в дополнении 1969 г.) на примере научных школ в физике и математике [10]. Я полагаю, что в гуманитарных науках будет своя специфика.

Не упоминая Р. Мертона, Т. Кун фактически также вводит представление об этосе науки, но в связке с тематикой научных сообществ и научными парадигмами. Последнее означает круг представлений, которых придерживается группа ученых, научное сообщество, а его масштаб может быть разным – от отдельной группы наук (например, естественные науки) до научного коллектива в два десятка человек. Парадигма – «то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму» [10, с. 229].

Т. Кун выделяет достаточно простые и эмпирически представимые признаки научного сообщества: членство в профессиональных обществах, чтение журналов и проведение совместных исследований. Тогда границами сообщества становятся границы предмета исследования [10, с. 231].

Для уточнения Т. Кун вводит как минимум два рамочных критерия того, что такое научная парадигма. Первый – это набор, система предписаний, второй – это общепризнанные образцы выполнения научного исследования. Оба критерия фактически означают этос науки, только понимаемый не поведенчески, как у Р. Мертона, а институционально, точнее, организационно-деятельностно.

Смена парадигмы означает научную революцию. Главное в ней – изменение, предполагающее определенного вида *реконструкцию предписаний*, которыми руководствуется научная группа. То есть научная революция – это прежде всего *смена этоса науки*, его переосмысление и реконструкция и связанные с этим пересаморганизация научного сообщества или смена одного сообщества другим.

Как уже было сказано, Т. Кун для этого вводит понятие дисциплинарной матрицы, в рамках которой объединены ученые, представители определенных научных специальностей, а также имеется система предписаний, которых они придерживаются [10, с. 237–238]. Компонентами этой матрицы являются: символические обобщения (свой язык общения, система символов и знаковых замещений); «метафизические парадигмы» (свои общепризнанные обобщения-предписания, законы, формулы, принципы); ценности (признанные членами сообщества правила и принципы проведения научного исследования, например точность, проверяемость, системность, полезность научных знаний для общества, логичность рассуждений и проч.)²; общепризнанные в сообществе примеры-образцы решения научных проблем (которые входят затем в учебные курсы; своего рода собственный катехизис, свод примеров того, как надо действовать в научном исследовании, как организовывать и проводить научный эксперимент, ставить опыты и проч.) [10, с. 238–244].

Второй критерий парадигмы – система признанных в сообществе *образцов*, выступающих центральным элементом в парадигме, что Т. Кун считает важнейшим в своей работе [10, с. 244]. Без предъявления друг другу и новым поколениям и описания этой системы образцов парадигма не живет, поскольку не воспроизводится у членов сообщества. И главное, научная революция как раз и связана со сменой и переструктурированием именно образцов, принятых в науке. Принятие этих образцов в виде сформулированных законов, правил проведения научного исследования, системы принципов (например, объективность или досто-

² Под ценностями Т. Кун имеет в виду сугубо научные правила и принципы, а не моральные ценности и качества личности ученого. Кстати, последние в классической модели науки вообще не обсуждаются. Молчаливо допускалось, что ученый может быть циником и подонком, потому что знание ведь объективно и оно также находится вне нравственных норм, оно в этом смысле вне морали. Для классической модели науки это вполне приемлемо, поскольку процессы в природе, изучаемые естественными науками, не могут быть моральными или аморальными, они просто объективны. Поэтому врач-эсэсовец, ставящий опыты над узниками в концлагере, – такой же ученый, как и тот, кто работает в лаборатории где-нибудь в Кембридже.

верность, или общезначимость, или фальсифицируемость и проч.) укрепляет парадигму. Без них парадигма перестает быть таковой.

Но усвоение этих правил и принципов возможно лишь в условиях личного участия молодого ученого в реальном научном исследовании, в котором он начинает осваивать формулы и правила, научается читать эти формулы и решать задачи. Результатом такого освоения становится «неявное знание», цитирует Т. Кун М. Полани («личное знание»), оно приобретает скорее личным практическим участием в научном исследовании, чем усвоением правил, регулирующих научную деятельность [10, с. 249].

Замечу, однако, что никакой этос науки, т.е. свод правил и предписаний для ученых, никакая научная парадигма не могут создать условия для рождения нового научного сообщества. Оно начинается с чего-то другого. Оно начинается с новой установки, нового взгляда на мир в ситуации необходимости смены картины мира, в ситуации понимания того, что мир становится другим. Иначе говоря, научная революция и смена поколений, рождение новых научных сообществ как институций начинаются с онтологических оснований, с определения новой онтологической рамки.

Остановимся на ряде базовых моментов, касающихся именно становления научных обществ как институций, ответив на ряд вопросов.

Что нужно, чтобы кружок энтузиастов перерос в институцию? Всегда ли появляется настоятельная необходимость институционального становления и оформления? Или в науке и философии важно, что для порождения новых идей и смыслов нужен кружковый формат? Когда же кружок становится академическим институтом, а идеи иссякают, то нужны новые кружки, новые неформальные контакты и поиски? Живет ли поисковый жанр уже в академическом формате? Почему какие-то кружки становились институциями и целыми направлениями, а какие-то так и оставались протоформами? Что означает научное сообщество как институт, задающий себе долговременность жизненного цикла и парадигмальную значимость в истории науки?

Составим список необходимых требований и критериев, которые позволяют судить о наличии или отсутствии научной институции (см. также [1; 15]).

1. Имеется ядро участников – *основатели*, носители новых парадигмальных идей, *пассионарные личности*, своими работами задающие новую онтологическую установку.

2. Основатели предъявляют новую картину мира, новую онтологическую установку.

3. Новая онтология воплощается в *новых концептах и программах исследований*, новых идеях, понятиях, теориях.

4. Представители сообщества вырабатывают свой *этнос науки*. Основатели проповедуют свой *ценностный научный кодекс* и предъявляют научному миру *базовые установки*. Как правило, они связаны с идеей служения выдвигаемой программе и через это – идее установления научного кодекса ученого как необходимого требования ко всем членам сообщества, предполагающего необходимость служения и посвящения этому всей жизни.

5. Заявленная программа воплощается в некоем *манифесте*, своде базовых принципов, правил, идей, методов. Разрабатывается собственная методология или озвучивается призыв к ее разработке, что воплощается в концептуальной программе, изложенной в тексте манифеста.

6. Основатели предъявляют свой *метод*, а соответственно ему – свой научный и *методологический инструментарий* и свой *понятийный словарь*. Как правило, они идут вразрез с существующими парадигмами и правилами, принятыми в науке.

7. Члены сообщества нуждаются в постоянных *формах коммуникации*. Для обсуждения идей и работ организуются собственные *периодические мероприятия*, конгрессы, конференции, форумы, клубы, кружки.

8. Для предъявления и публикации своих взглядов, работ и результатов исследований создаются собственные *периодические издания*, журналы, публикуются сборники.

9. Между участниками сообщества, особенно его ядра, устанавливается тесная личная связь, дружба, неформальные отношения, вырабатываются даже свой неписаный *кодекс общения, правила коммуникации*. При идейном разрыве, как правило, происходят личные драмы, отражающиеся на биографии участников. Часто уход участника из общества влечет за собой личностный надлом и жизненный кризис.

10. Со временем совместные работы и исследования воплощаются в *институциональные формы и инфраструктуры* – создаются лаборатории, кафедры в университетах, институты, научные центры.

11. Со временем, как правило, сообщество нуждается в создании своих *учебных форм* подготовки учеников и последователей, в выработке и оформлении тех и иных способов организации научных эстафет. И тогда создаются формальные, т.е. академические, и неформальные способы формирования таких эстафет – аспирантуры, школы, учебные

центры, библиотеки, кружки и семинары. Появляются свои ученики, продолжатели. Складывается духовная, интеллектуальная традиция. Но, как правило, ученики начинают пересматривать наследие учителей и основателей, по-своему излагать учение, по-новому рассказывать историю становления сообщества. Формируются легенды, складываются мифы о рождении научной школы, о ее основателях. Появляются желающие монополизировать наследие и стать главным носителем и продолжателем идей основателей. И тогда мы видим конец научной школы, и начинается уже что-то другое. Начинается другая история.

Жизненный цикл научной институции может быть разным. Это могут быть 10 лет, а могут быть и 50 лет. Время жизни научной институции зависит от жизни и смены поколений, носителей базовых парадигм этой научной институции – начиная с жизни одного поколения и кончая жизнью нескольких поколений.

Рассмотрим примеры рождения научных сообществ в гуманитарных, в частности философских, науках. Что угадывается в этих историях из сказанного об этосе науки, а чего в принципе не показали ни Р. Мертон, ни Т. Кун? Учítывая, что история этих сообществ известна и давно описана, не будем повторять ее в деталях. Возьмем две принципиально разные истории – из западной традиции и из отечественной. Примеры разные, но оба рельефные и яркие.

Венский кружок

На заре XX в. Вена была цветущим культурным и научным мировым центром, плодоносящим идеями и проектами, научными и культурными направлениями. Здесь творили ученые, художники, музыканты, философы. З. Фрейд, Р. Музиль, Л. Витгенштейн, Э. Мах, Л. Больцман, Ф. Кафка... Вена была не только столицей вальсов, долгое время она была фактически интеллектуальной столицей мира.

Так случилось, что в 10-20-е годы XX в. в городе сформировалась удивительно плотная, насыщенная среда интеллектуального общения, что воплощалось в постоянном почти круглосуточном бурлении идей в аудиториях университетов, в домах во время частных визитов, на собраниях, семинарах, в кофейнях, на пешеходных улицах [4; 9].

Особую роль Вены в начале XX в. отмечал М.К. Мамардашвили. Вена была не просто географической точкой на карте, но фактически центром культуры, в котором пульсировало множество пучков энергий,

связанных с «новой попыткой человека жить своей жизнью, не чужой, умирать своей смертью, не чужой» [12, с. 389]. Великие австрийцы показали всему XX веку, что значит быть, пребыть, состояться своей мыслью. «В бытие мы лишь впадаем, чтобы тут же из него выпасть... Мы можем только заново впасть в прозрение, в мысль, в бытие. Вот об этом учит и это испытала на себе Вена начала века» [12, с. 391].

Темами для оживленных дискуссий, которые молодые люди вели в кофейнях и университетах, были интеллектуальные революции, совершенные в умах людей, в сущности, усилиями тоже молодых ниспровергателей – А. Эйнштейна, Б. Рассела, Л. Витгенштейна и др. Должно было состояться издание их великих трудов, а также работ Э. Маха и Л. Больцмана, обсуждая которые новое интеллектуальное поколение постепенно все более и более формировало новую научную парадигму в науке и философии. Строго говоря, «Манифеста» Венского кружка могло и не быть без трудов Э. Маха и теории относительности А. Эйнштейна, без «*Principia Mathematica*» Б. Рассела и Н. Уайтхеда, без «Трактата» Л. Витгенштейна.

Историк науки и философ К. Зигмунд, ссылаясь на Ф. Франка, утверждает, что в то время все физики в Вене были учениками Э. Маха или Л. Больцмана, Ф. Франк свидетельствовал о том, как сложился первый состав Кружка, нечто вроде протокружка (*Urkreis*). Компании студентов засиживались в венских кофейнях до полуночи, а то и дальше. Особенно популярным было кафе «Централь», где собирались студенты Г. Гана и другие. Собирались каждую неделю по четвергам. Обсуждали вопросы науки и философии. Обсуждали, как преодолеть разрыв между наукой и философией. Самыми активными были будущие основатели Кружка – Г. Ган и О. Нейрат [4, с. 71–72].

Надо сказать, что Вена вся бурлила этими интеллектуальными собраниями. Были распространены всякие кружки, молодые люди встречались для обсуждения не только философских проблем. Были кружки, посвященные И. Канту, С. Кьеркегору, Л.Н. Толстому, идеям Э. Маха и А. Эйнштейна. Сквозной темой была ревизия немецкой философской традиции. Молодые люди не принимали метафизику Канта, Гегеля и Шопенгауэра, не принимали ни в каком виде, предпочитая научно ориентированную философию, базирующуюся на научных эмпирических доказательствах и строгой математической логике.

Кончилось дело тем, что неформальные объединения и проходившие по четвергам семинары стали оформляться в определенную программу исследований. Неформальное объединение ученых и философов

постепенно трансформировалось в идейный и организационный центр направления, получившего название логического позитивизма. Вообще-то это был странный гибрид, гремучая смесь чистой логики в духе Б. Рассела и эмпириокритицизма в духе Э. Маха [4, с. 159]. Но главное, базовой установкой была научная ориентация философии, построение философии на основе математической логики.

В Кружок входили известные представители науки и философии: философы М. Шлик, Р. Карнап, социолог и экономист О. Нейрат, математики К. Гедель, Г. Ган и др.

В 1928 г. было учреждено Общество им. Э. Маха (председатель М. Шлик), ставившие задачи развития научно ориентированной философии. В него вошли представители естественных и точных наук, а не «чистые философы».

Основной причиной такой самоорганизации и создания Кружка была причина именно мировоззренческая. Как отмечали авторы «Манифеста», в связи с развитием в Европе метафизических и теологических построений, «метафизического и теологизирующего мышления» необходимо было противопоставить этому «научное миропонимание». В Кружке были разные ученые, но все они проповедовали именно научную, антиметафизическую установку [6]. Шла борьба за власть над умами, над сознанием масс людей, за будущее науки и философии – каким ему быть. Радикальность ожиданий и выбора усугублялась и политической обстановкой.

Представители метафизики продвигали свои идеи и также были весьма активны и публичны. Самым ярким из них, против кого в основном и были направлены стрелы логического анализа, был М. Хайдеггер, в свою очередь претендовавший на роль «философского фюрера» в Германии и Европе³.

Параллельно для выработки своей позиции члены Кружка подробно, по абзацам и строчкам разбирали «Трактат» Л. Витгенштейна, приняв его базовый постулат, согласно которому задачей философии является решение языковых головоломок, полагая, что у философии нет своих проблем. Философия должна заниматься анализом языковых высказываний, исправлением неправильного метафизического синтаксиса у неко-

³ Споры и поиск новых парадигм и новых онтологий шли по разным фронтам. Это были споры не только между научно ориентированными философами, выходцами из физики и математики, и метафизиком М. Хайдеггером, но и между старой немецкой традицией в лице неокантианца Э. Кассирера и новой онтологией того же М. Хайдеггера. Фактически это был спор разных культурных поколений, носителей разных не только научных, но и мировоззренческих парадигм и картин мира (подробнее см.: [23; 24; 27]).

торых философов – их противников, того же М. Хайдеггера. Смысл этого осуждения заключается в том, что философ-метафизик не имеет своего предмета, у предмета, который он исследует, нет своего содержания. Его метафизика – это просто неправильные языковые построения, за которыми нет никакого собственного содержания. Поэтому, в сущности, как сказано в «Трактате», философская работа состоит из языковых разъяснений, прояснений темных предложений. Философия должна прояснять и строго разграничивать мысли, которые без этого являются как бы темными и расплывчатыми [2, с. 24].

Тайным девизом Кружка стала фраза из «Трактата»: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [2, с. 73]. Сам Витгенштейн пояснил свою позицию в характерном для него стиле: «К чему болтать о трансцендентном, когда все ясно, как оплеуха?» (цит. по: [4, с. 153])⁴.

Принятие «Трактата» членами Кружка «на ура» вовсе не означает, что Л. Витгенштейн тоже участвовал в Кружке. Совсем нет, скорее наоборот. Он был противником всяких форм организаций, всяких кружков и объединений, и всяких программ исследований. Он не собирался заниматься тщательным построением нового здания научной мысли. Этот отказ воплотился и в его личной биографии: через 20 лет он предъявил миру новый философский проект в своих «Философских исследованиях». Совершил «смену аспекта».

Для обоснования своей позиции создатели Кружка в 1929 г. опубликовали манифест «Научное миропонимание мира. Венский кружок»⁵. Этот манифест зачитал в Праге на конференции физиков и математиков О. Нейрат.

В Манифесте, а также в ключевой работе Р. Карнапа «Логическая структура мира» (Aufbau) были изложены базовые положения, направленные на обоснование научного миропонимания, с опорой на метод логического анализа и на эмпирический опыт, с отказом от априорного познания, от метафизических псевдоположений [5; 6]. Метафизические вопросы и высказывания (типа «Бог существует», «Бытие есть») были

⁴ Впрочем, не все члены Кружка воспринимали с восторгом идеи и высказывания «божественного Людвиг». О. Нейрат относился к ним как к темной метафизике.

⁵ Между членами Кружка шли споры, как назвать манифест. Но все они были категорически против употребления в названии слова «философия». Сошлись на «Научном миропонимании», а для географической конкретики решили добавить «Венский кружок». Так Кружок получил свое название, свою идентификацию. До этого долгое время его называли «кружком Шлика».

объявлены псевдопроблемами. Метафизике была противопоставлена опора на эмпиризм, логику, достижения конкретных наук. Авторы не скрывали также и того, что их научно ориентированная философия выступает в качестве орудия в классовой борьбе. Особенно на этом настаивал О. Нейрат.

В 1930 г. кружок начал выпускать журнал «Познание» («Erkenntnis»). И впервые был проведен конгресс в Кенигсберге «Эпистемология точных наук».

Работавший приглашенным профессором в Пражском университете Р. Карнап, организовал в Праге филиал Кружка.

В 1935 г. по инициативе участников Кружка был проведен конгресс в Париже. На его открытии выступил Б. Рассел. Роль Б. Рассела в формировании новых направлений мысли выглядит весьма примечательно. Например, он написал введение к первому изданию «Трактата» Л. Витгенштейна. Но вышел конфуз. Молодой и мало кому известный автор потребовал от издателя удалить введение и написал Б. Расселу: «Ваше Введение не должно быть напечатано. ...Знаете ли, когда я увидел немецкий перевод Введения, я не мог позволить себе появления его вместе с моей работой. Все тонкости Вашего английского стиля, вполне понятно, потерялись с переводом, а то, что осталось, было поверхностным и вводящим в заблуждение» (6 мая 1920 г.) (цит. по: [8, с. 324, прим. 2]).

С 1938 г. стала выходить Международная энциклопедия унифицированной науки, идея издания которой принадлежала О. Нейрату. Последний, пятый, конгресс по эпистемологии точных наук прошел в 1939 г. в США. Мировая война прервала проведение конгрессов.

В связи с ростом нацистских настроений и преследованиями евреев большинство членов Кружка эмигрировали из Европы. Журнал «Erkenntnis» перестал выходить с 1940 г.

Формально и организационно Кружок перестал существовать, но идейно и институционально его представители и их последователи создали в США, Великобритании, Финляндии и других странах множество научных центров и школ, в итоге оказав ощутимое влияние на формирование аналитической философии в мире в целом.

Московский методологический кружок

Московский методологический кружок (далее – ММК) зародился как «квартирник», некий клубный формат семинара в квартире, где жил его основатель – Г.П. Щедровицкий. Поначалу это было сугубо нефор-

мальное собрание собеседников, интересных друг другу, но очень разных. К числу основателей ММК относят также А.А. Зиновьева, Б.А. Грушина, М.К. Мамардашвили. Все они были молоды – вчерашние студенты, аспиранты и молодые преподаватели. Каждый из основателей позднее воплотил в своей биографии собственное отдельное направление в науке, философии, литературе.

Движителем, источником создания ММК была чистая энергия, пассионарность его основателей, особенно А.А. Зиновьева и Г.П. Щедровицкого. Первоначально ММК назывался логическим кружком. Затем он стал называться методологическим, а его лидером был потом до конца своей жизни Г.П. Щедровицкий (более подробно об истории ММК см.: [3; 11; 16; 17; 19; 20; 22; 30; 31]). Все остальные основатели вскоре отошли от ММК. И не только по идейным соображениям, а прежде всего потому, что лишь у одного была цель сформировать сообщество и институцию – у Г.П. Щедровицкого.

На первый взгляд, в качестве проблематики была выбрана чистая логика. Материалом стала большая Логика «Капитала» К. Маркса, т.е. логика его мысли. Основание для выбора этой ниши было простое: только логика была освобождена от идеологического официоза. Все остальные гуманитарные науки были покрыты идеологической пеленой, стилизовались с цензурой и запретами. Сходство с Венским кружком в содержательном генезисе кажется очевидным.

Но за выбором этого содержания стояло и нечто другое, более важное. Г.П. Щедровицкий вспомнил: «Именно тогда, в 1952 году, я сформулировал для себя основной принцип, который определял всю дальнейшую мою жизнь и работу: для того, чтобы Россия могла занять свое место в мире, нужно восстанавливать интеллигенцию в России» [32, с. 301]. А это возможно только через выстраивание разных способов, инструментов, средств мышления. Интеллигент обязан оставаться мыслителем, «в этом его предназначение» [32, с. 303].

Тогда же, в 1952 г., Г.П. Щедровицкий сформулировал принцип, которого придерживался до конца жизни: «Каждый должен заботиться о себе, в первую очередь о себе как о культурной личности, и в этом состоит его обязательство перед людьми... и я, и все мы, т.е. принадлежащие к страге интеллигенции, мы все являемся членами группы “свободного поиска”» [32, с. 302–303].

Мессианство и *«прогрессорство»* воплощались в соответствующей географии. Пространством мыследействия философа и мето-

долога Г.П. Щедровицкого становились вся страна, точнее, весь мыслимый мир.

С анализа Логике «Капитала» члены ММК быстро переключились на разработку собственного содержания самой логики. Г.П. Щедровицкого не устраивали ни диалектическая логика в неогегельянской версии Э.В. Ильенкова, ни формальная логика, ни математическая логика, которую стал разрабатывать А.А. Зиновьев. Со временем была предложена концепция содержательно-генетической логики, с помощью аппарата которой предполагалось ухватить законы развития мышления. Допускалось, что мышление есть вид деятельности.

К середине 1980-х годов в целом сложился каркас концепции, автором которой, несмотря на коллективную работу на семинарах, был фактически Г.П. Щедровицкий. Этим каркасом стала так называемая «пятичленка», связывающая в единой схеме процессы мышления, мыслекоммуникации, мыследействия, рефлексии и понимания. В 1987 г. схема мыследеятельности была опубликована в ежегоднике «Системные исследования» [30, с. 281–298].

Но сама «пятичленка» – это лишь воплощение онтологической установки: мир есть мышление и деятельность. Данная установка была призвана преодолеть как натуралистическую, вещную парадигму (мир как мир объектов), так и феноменологическую (мир феноменов сознания), равно как и теологическую (мир веры и принятия онтологически иного сущего). В мире нет ничего, кроме мышления и деятельности, – так эпатировал публику на своих лекциях Г.П. Щедровицкий. И поэтому все так называемые вещи, процессы, люди, материальные объекты, природные явления суть части этой мыследеятельности как субстанции. Базовым, трендовым сдвигом у Г.П. Щедровицкого выступал сдвиг оптики: от натуралистического подхода к системомыследеятельностному, согласно которому объекты мира встроены в схемы мыследеятельности, являются ее функциональными и морфологическими элементами [30, с. 146]. Тем самым задавался иной подход, иная онтологическая картина мира, новый «способ онтологического видения мира» [30, с. 141]. Далее в духе этой установки и на основе базовых схем-конструкций стали разрабатываться программы конкретных исследований и разработок для раз-

ных областей науки, культуры, образования (в сферах дизайна, инженерного дела, архитектуры, проектирования, спорта и т.д.)⁶.

Фактически ММК являл собой не столько научный феномен, будучи не просто научным кружком. Его участники фактически выращивали новую институциональную форму. Он был местом рождения гибридных видов деятельности, в которых выплавлялись проектно-программные, конструкторские, исследовательские, разработческие, игровые виды практики. Параллельно западным разработкам, посвященным проектированию, конструированию и системным исследованиям, Г.П. Щедровицкий с соратниками предложили (находясь в изоляции от западного научного мира) свою версию перехода от мира собственно науки к миру жизнедеятельности, миру проектирования новых форм мыследеятельности. Это давало первому методологу повод заявлять на конференциях и лекциях, что эпоха науки как чистого феномена исследовательской практики, отдельной сферы, базирующейся на естественно-научной установке (полагание мира как объекта, представленного для объектного познания), – эта эпоха закончилась. Начинается эпоха методологии, которая заключает в себе исследование как часть сложноустроенной системомыследеятельностной работы.

Началом ММК считается 1952 год. Он начинался, как я уже сказал, в виде студенческо-аспирантского семинара, посвященного проработке логических основ «Капитала» К. Маркса, в квартире Г.П. Щедровицкого.

В 1956 г. происходит первый раскол. Из ММК уходит А.А. Зиновьев. Уходит и М.К. Мамардашвили, но по своей причине, так и не став членом кружка. Он всегда был отдельной монадой и ни к какой кружковой работе не был приспособлен. Но основной семинарский формат работы ММК сохранялся до конца жизни его лидера Г.П. Щедровицкого – до 1987 г. В 1987 г. семинары прекратились.

Постепенно ММК приобретал институциональные и организационные формы. В 1958 г. была учреждена Комиссия по психологии мышления и логике при Московском отделении общества психологов в Институте общей и педагогической психологии АПН РСФСР при поддержке члена-корреспондента АПН П.А. Шеварева совместно с психологом В.В. Давыдовым – учеником Э.В. Ильенкова, будущим академиком, одним из создателей концепции развивающего обучения (совместно

⁶ О смене онтологической установки как основе для смены научных парадигм и научных школ и типах онтологических установок см. мою работу [21].

с Д.Б. Элькониным, учеником и соратником Л.С. Выготского). Параллельно методологическим семинарам с 1961 г. проводились отдельные семинары и в Институте ОПП.

В 1960 г. в Томске состоялась Первая Всесоюзная конференция по проблемам логики и методологии науки (идейным вдохновителем и инициатором стал Г.П. Щедровицкий, организатором – претендующий на роль первого логика В.А. Смирнов)⁷.

Тогда же, в 1960–1961 гг., Г.П. Щедровицкий организовал кружок по истории математики в Московском городском педагогическом институте им. Потемкина (с помощью новых молодых учеников В.М. Розина и А. Москаевой) [20].

Постепенно семинары стали постоянными. Так, с 1962 по 1976 г. работал семинар «Системы и структуры в науке и технике» в рамках философской секции Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Кибернетика».

В 1962 г. в Киеве состоялась Вторая Всесоюзная конференция по проблемам логики и методологии науки (при поддержке будущего академика и директора Института философии РАН П.В. Копнина).

Среди участников семинаров в период 1960–1970-х гг. были Н.Г. Алексеев, И.С. Ладенко, В.Н. Садовский, Б.В. Сазонов, В.С. Швырев, Э.Г. Юдин, В.В. Давыдов, В.А. Лефевр, С.Г. Якобсон, Н.И. Непомнящая, Н.С. Пантина, В.М. Розин, О.И. Генисаретский и др.

Ученик и соратник Г.П. Щедровицкого И.С. Ладенко, член ММК еще первого поколения (в 1950-е годы), позже стал разрабатывать собственную концепцию так называемой интеллектики, или теории интеллектуальных систем. Развития она не получила, оставшись лишь фактом истории науки. Необходимо сказать, что в течение почти трех десятков лет именно стараниями И.С. Ладенко в Новосибирском Академгородке были проведены десятки конференций по логике и методологии науки, по проблемам рефлексии и понимания (включая и знаковую, одну из первых в стране конференций «Рефлексия в науке и обучении», состоявшуюся в 1984 г.), по проблемам образования. По материалам конференций были изданы десятки сборников статей и тезисов, благодаря которым представители гуманитарных (и не только) наук получили возможность обнаружить результаты своих поисков. В этих конференциях участвовали сотни философов, психологов, педагогов, логиков и пред-

⁷ Конференция по такой тематике была проведена впервые в мире. Еще до знаменитого конгресса по логике и методологии науки, состоявшегося в 1960 г. в Бостоне.

ставителей других, самых разных наук со всей страны (см., например: [18]). В те времена советского официоза эта активность была отрадным и благородным делом. Многим, особенно молодым, участникам конференции давали путевку в науку. Активность эта прервалась в связи со смертью И.С. Ладенко в 1996 г.

Постепенно методология из семинаров начала выходить в жизнь. В 1979 г. в Новоуткинске Свердловской области была проведена первая организационно-деятельностная игра (ОДИ). С тех пор до 1991 г. в десятках городов страны Г.П. Щедровицкий и его ученики провели более 90 игр по самой разнообразной тематике (теория и практика дизайна, проблемы развития образования, развитие городов и территорий и др.).

Начало игрового периода в жизни ММК послужило поводом для очередного раскола и смены поколений. Пришли более молодые участники: П.Г. Щедровицкий, Ю.В. Громыко, С.В. Попов, А.П. Зинченко и др.). А старые члены кружка (В.М. Розин, О.И. Генисаретский, В.А. Лефевр и др.) не приняли саму идею и практику игры как необходимой формы коллективной мыследеятельности.

В 1987 г. в Красноярском государственном университете был открыт психолого-педагогический факультет (при участии психологов В.В. Давыдова, Б.И. Хасана и др.).

В 1986 г. в Новосибирске был создан Комитет по СМД-методологии и ОДИ при Фонде молодежных инициатив (руководители – методолог В.А. Жегалин и философ В.П. Тыщенко)⁸.

В середине 1980-х годов начал работать Комитет по СМД-методологии и ОДИ при Союзе научных и инженерных обществ СССР. Он действовал до 1988 г.

В 1989 г. в Киеве был проведен I Методологический съезд.

В 1990 г. вышел первый номер журнала «Вопросы методологии» (главный редактор М.С. Хромченко). Журнал выходил до 1999 г. С начала 1990-х годов выходит также методологический и игротехнический альманах «Кентавр» (редактор Г.Г. Копылов).

В 1992–1994 гг. в Тольятти была организована Тольяттинская академия управления (сначала – Банк-колледж, затем – Международная академия бизнеса и банковского дела, затем – академия).

⁸ В работе комитета принимал активное участие и автор этих строк. В 1986 г. он был руководителем большой игры по заказу Новосибирского обкома комсомола, посвященной развитию и трансформации деятельности студенческих организаций в области. Начинаясь перестройка, требовались новые идеи и проекты.

Таким образом ММК фактически воплотился во множестве организационных институциональных форм. А сотни учеников и соратников Г.П. Щедровицкого при его жизни и уже после его смерти постепенно создали свои сети и институты, такие как Школа культурной политики (П.Г. Щедровицкий), Международная методологическая ассоциация (С.В. Попов), Сеть методологических лабораторий (А.П. Зинченко) и др.

Начав с чистой логики и провозглашения мировоззренческой позиции, согласно которой стране нужны были новые поколения мыслящих людей, ответственных за себя и свою страну, сквозной темой для ММК стало создание мыследеятельностной онтологии, новой картины мира. Согласно этой картине век науки закончился, начался век методологии. А наука сама оказывается встроенной в каркасы больших методологических и социальных проектов⁹.

Это задавало широкий масштаб деятельности ММК, но в то же время и определенную ограниченность в связи с использованием специального языка, выработанного в его пределах, своего рода новояза, ни на что не похожего – ни на западные направления в философии и методологии науки, ни на отечественные разработки в области методологии и логики науки. ММК строился как некое эзотерическое общество, куда неохотно входили, переживают там опыт посвящения и после существуют в нем. А если не выдерживают, то отпадают, причем с печальными последствиями, будучи разобранными личностями с разного рода деструкциями. Это заметил, и давно, В.М. Розин, указав, что кружок был фактически эзотерическим сообществом, локальным и закрытым. Но оно как раз и прекратило свое существование. Кружок существовал 15 лет, он закончился с выходом из него В.Я. Дубровского, В.А. Лефевра и др. в начале 1970-х годов. Важным при этом в кружке было не само по себе содержание, не теория, не онтологические представления, а стиль мышления. Как отмечал В.М. Розин, именно стиль мышления всех объединял – его, О.М. Генисаретского, Б.В. Сазонова, самого Г.П. Щедровицкого. Со временем же кружок превратился в некое собрание методологов-схоластов. То есть в общество закрытого типа, оторванное от живых проблем культуры. А потому содержание из кружка ушло, не стало реальных исследований. И Учитель, будучи эзотерической, суггестивной

⁹ Деятельность ММК, наряду с прочим, способствовала становлению неклассического и постнеклассического этосов науки и формированию транзидисциплинарных матриц, предполагающих преодоление дисциплинарного подхода и введение новых установок, основанных на допущении множественности миров, учете в научных исследованиях социальных и иных ценностей и т.д. [7].

личностью, начал излагать, распространять свое Учение, стал вождем, гуру. Здесь мышление и закончилось, делает вывод В.М. Розин [19].

Эзотерический характер ММК отмечал вообще-то и сам Г.П. Щедровицкий, признававший, что кружок сочетает в себе эзотеричность и экзотеричность. Но признавая за ММК качества эзотерического сообщества, его лидер все же пытался придать ему качества научного методологического сообщества, производящего продукт. Например, надо было просто учиться писать статьи, оформляя результаты семинарских обсуждений в научные тексты. Но многие участники не умели и не хотели учиться это делать. И в итоге из кружка выходили. Но не из-за его эзотерического характера, а из-за того, что надо было работать и выдавать продукт – результаты исследований и разработок, книги, статьи. ММК был фактически единственной и первой в то время отечественной фабрикой мысли, созданной параллельно западным фабрикам мысли и независимо от них.

С уходом из жизни его бессменного лидера ММК перестал существовать как единая институция. Фактически организационным стержнем и носителем этой институции была личность его вождя. За сорок лет в ММК сменилось несколько поколений участников. Но он продолжал работать до той поры, пока был жив Г.П. Щедровицкий. В настоящее время фактически перестало существовать и развиваться и само направление – системомыследеятельностная методология.

Но осталось главное: тысячи людей с разной степенью успешности применяли и применяют стиль и средства методологической работы в разных профессиональных сферах, сформированные у них и освоенные в рамках ММК. В их памяти навсегда осталась благодарность своему учителю, учившему самоопределению себя как личности, как человека, выстраивающего свою личностную траекторию. В этом плане ММК был большим, чем научная институция. Это был своеобразный архипелаг, остров в бескрайних просторах немыслия. Но после развала СССР перестала быть актуальной главная оппозиция – советскому идеологическому официозу. Пришла другая эпоха, появились новые вызовы. Сошли на нет и игры, и методологические семинары. ММК сыграл свою роль интеллектуальной торпеды.

На фоне приведенных примеров небезынтересно посмотреть на локальный опыт новосибирского Академгородка, слывшего в свое время островком свободы, создававшегося его отцами-основателями как место свободной научной мысли и свободного научного поиска. Как обстояли дела здесь с гуманитарными науками, точнее, с философией? Примером

такого места поиска в Академгородке можно считать семинар по логике, методологии и философии науки М.А. Розова, начавший работать, по свидетельству его основателя и руководителя, уже с ноября 1963 г. и существовавший с перерывами до конца 1970-х годов. Но семинар так и остался протоформой, не развившись в зрелую институцию. В то время как группа под руководством В.В. Целищева, продолжающего в настоящее время активно и плодотворно работать, писать книги, статьи и переводить зарубежных авторов, постепенно развилась в зрелую институцию, вплоть до создания в 1990 г. Института философии и права. Но рассказ о становлении и институционализации философии в Сибири и создании полноценного института требует отдельного разговора и своего летописца (см. [28; 29]).

* * *

Главным и решающим фактором становления и развития научного сообщества как институции являются прежде всего энергия и пассионарность идейного ядра, носителей новой парадигмы и программы. Зачинателями, как правило, выступает группа увлеченных молодых людей, которых не устраивает положение дел и они решают изменить мир, совершить интеллектуальный прорыв¹⁰. Их действия выглядят как сугубо интеллектуальная инициатива, в распоряжении авторов которой нет ни денег, ни поддержки сверху, ни готовых институций, а есть энергия и непризнанная гениальность. Эта группа готова предложить миру радикально новую парадигму, основанную не на эмпирических данных и не на какой-то концепции, а на новой онтологической установке, на принципиально ином видении мира и реальности, которую (установку) группа предъявляет (будь то реальность психики, или сознания, или языка, или мышления). Эта новая установка парадигмально несоизмерима

¹⁰ В момент основания ММК в 1952 г. Г.П. Щедровицкому было 23 года, А.А. Зиновьеву – 30, Б.А. Грушину – 23, М.К. Мамардашвили – 22. При создании Венского кружка Р.Карнапу было 36 лет. В начале формирования культурно-исторической психологии Л.С. Выготскому было 29, А.Р. Лурии – 22, А.Н. Леонтьеву – 21. При создании ОПЯЗа В.Б. Шкловскому было 23, Б.М. Эйхенбауму – 30, Ю.Н. Тынянову – 22. М.М. Бахтину в пору работы в Невеле было 25. Но не всегда молодость выступает критерием прорыва. Московско-тартускую школу основал зрелый Ю.М. Лотман (42 года), а свой психоанализ З. Фрейд открыл (построил как метод и описал его), уже будучи зрелым и известным (ему было уже более 40 лет). А М. Шлик создавал Венский кружок, будучи зрелым и известным (40 лет). Но вокруг них основной костяк носителей идей прорыва составляли все же молодые и страстно увлеченные.

с другими, существующими и предшествующими. Парадигмы несоизмеримы, несравнимы и невыводимы друг из друга, они не детерминируют друг друга, поскольку представляют разные миры. Опыт познания и преобразования миров не строится по схеме кумулятивного накопления знаний. Кумулятивный принцип может соблюдаться в пределах одной парадигмы. Но разные парадигмы строятся на разных онтологиях.

Однако чтобы предложить новую онтологическую установку, нужны «сумасшедшие» люди, группа «одержимых», готовых положить на это свою жизнь. Они воспринимают интеллектуальный прорыв как свой личный жизненный проект. И тогда цикл жизни их научного проекта равняется длине жизни его носителей. Все остальное – публикации, журналы, кафедры, университеты, конгрессы, новые должности, деньги, ресурсы и проч. суть следствие и фон того взрыва интеллектуального реактора, который совершается вначале усилиями нескольких человек. Если носители ядра уходят из жизни, уезжают, порывают с друзьями-зачинаателями, то исчезает и все остальное.

Если же мы посмотрим вокруг, то увидим, что в настоящее время нет таких «сумасшедших». А поэтому ничего и не происходит. Картина безрадостная, бессобытийная. Пишем статьи, книги, проводим конференции, издаем журналы. Но все это выглядит как повседневная рутина. Как чистка улицы. Она должна проводиться ежедневно. Для профилактики мозгов полезно читать книги. Писать тексты. Иногда встречаться. Что-то обсуждать.

Но чтобы что-то произошло, нужен парадигмальный взрыв.

Литература

1. *Венский кружок* // Современная западная философия: Энциклопедический словарь. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 10–12.
2. *Витгенштейн Л.* Философские работы / Сост., вступ. ст., прим. М.С. Козловой; пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 612 с.
3. *Давыдова Г.А.* Научная биография Г.П. Щедровицкого // Вопросы методологии. – 1994. – № 1–2. – С. 5–9.
4. *Зигмунд К.* Точное мышление в безумные времена: Венский кружок и крестовый поход за основаниями науки / Пер. с англ. А. Бродоцкой. – М.: CORPUS, 2021. – 528 с.
5. *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка / Пер. с нем. А.В. Кезина // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. – 1993. – № 6. – С. 11–26.
6. *Карнап Р., Ган Г., Нейрат О.* Научное миропонимание – Венский кружок / Пер. с нем. Я. Шрамко // Логос. – 2005. – № 2 (47). – С. 13–26.
7. *Киященко Л.П.* Этнос постнеклассической науки (к постановке проблемы) // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 29–53.

8. Коффа А. Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу / Пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Канон+, 2019. – 528 с.
9. Крафт В. Венский кружок: Возникновение неопозитивизма. – М.: Идея-Пресс, 2003.
10. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
11. Ладенко И.С. Г.П. Щедровицкий в развитии генетической логики и методологического движения // Интеллектуальные торпеды: Мат. науч. конф. памяти Г.П. Щедровицкого «Георгиевские чтения». 21–22 февраля 1995 г. – Новосибирск, 1996. – С. 8–36.
12. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – 2-е изд. – М.: Прогресс: Культура, 1992. – 416 с.
13. Мирская Э.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 11–28.
14. Мирская Э.З. Р. Мертон и его концепция социологии науки // Современная западная социология науки / Под ред. В.Ж. Келле, Е.З. Мирской. – М.: Наука, 1988. – С. 42–60.
15. Мирский Э.М. Научное сообщество // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – С. 35–36.
16. Огуринов А.П. Московский методологический кружок // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1995. – С. 351–352.
17. Пископтель А. К творческой биографии Г.П. Щедровицкого (1929–1994) // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа Культурной Политики, 1995. – С. XIII–XXXVII.
18. Проблемы логической организации рефлексивных процессов: Тез. докл. и сообщ. в науч.-метод. конф. 2–4 декабря 1986 г. / Отв. ред. И. С. Ладенко. – Новосибирск, 1986.
19. Розин В.М. «Сообщество, в которое я вошел, было, безусловно, эзотерическим» // Кентавр: Методологический и игротехнический альманах. – 1991. – № 2. – С. 34–40.
20. Розин В.М. «Я лично выстраиваю свою жизнь сознательно»: Автобиографическое интервью // Человек.RU. – 2019. – № 14. – С. 233–258.
21. Смирнов С.А. Онтологическая установка (к вопросу о смысле понятия) // Философия науки. – 2020. – № 2 (85). – С. 3–20.
22. Смирнов С.А. Пентеконтера Георгия Щедровицкого // Человек.RU. – 2020. – № 15. – С. 54–99.
23. Смирнов С.А. Философский Давос как повод для развода: Версия М. Фридмана. Ч. 1. // Respublica Literaria. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 62–83.
24. Смирнов С.А. Философский Давос как повод для развода: Версия М. Фридмана. Ч. 2. // Respublica Literaria. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 50–73.
25. Соколов М.М., Титаев К.Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – С. 239–275.
26. Форум: Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – С. 9–236.
27. Фридман М. Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер / Пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Канон+, 2021. – 352 с.
28. Целищев В.В. Все мемуары ложны. Это старый тезис // Человек.RU. – 2020. – № 15. – С. 140–164.
29. Целищев В.В. Философский переписчик: переводы и размышления. – Новосибирск: ОмегаПресс, 2014. – 574 с.

30. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – М.: Школа Культурной Политики, 1995. – 800 с.
31. *Щедровицкий Г.П.* Московский методологический кружок: развитие идей и подходов // Из архива Г.П. Щедровицкого. – М.: Путь, 2004. – Т. 8, вып. 1. – 352 с.
32. *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом. – М.: Путь, 2001. – 365 с.
33. *Merton R.* The Sociology of Science. – Chicago: University of Chicago Press, 1973. – 606 p.

References

1. *Venskiy kruzhok* [The Vienna Circle]. (2009). In: *Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar* [Contemporary Western Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Kulturnaya Revolyutsiya Publ., 10–12.
2. *Wittgenstein, L.* (1994). *Filosofskie raboty* [Philosophical Works], Part 1. Comp. by M.S. Kozlova, transl. by M.S. Kozlova & Yu.A. Aseev. Moscow, Gnozis Publ., 612. (In Russ.).
3. *Davydova, G.A.* (1994). *Nauchnaya biografiya G.P. Shchedrovitskogo* [Scientific biography of G.P. Shchedrovitsky]. *Voprosy metodologii* [Problems of Methodology] 1-2 5–9.
4. *Sigmund, K.* (2021). *Tochnoe myshlenie v bezumnye vremena: Venskiy kruzhok i krestovyy pokhod za osnovaniyami nauki* [Exact Thinking in Demented Times: The Vienna Circle and the Epic Quest for the Foundations of Science]. Transl. from English by A. Brodetskaya. Moscow, CORPUS Publ., 528. (In Russ.).
5. *Carnap, R.* (1993). *Preodolenie metafiziki logicheskimi analizom yazyka* [The elimination of metaphysics through logical analysis of language]. Transl. from German by A.V. Kezin. *Vestnik MGU. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Philosophy Bulletin], 6, 11–26. (In Russ.).
6. *Carnap, R., H. Hahn & O. Neurath.* (2005). *Nauchnoe miroponimanie – Venskiy kruzhok* [The scientific conception of the world: The Vienna circle]. Transl. from German by Ya. Shramko. *Logos*, 2 (47), 13–26. (In Russ.).
7. *Kiyashchenko, L.P.* (2005). *Etos postneklassicheskoy nauki (k postanovke problemy)* [Ethos of post-non-classical science (on the problem statement)]. *Filosofiya nauki. Vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov* [Philosophy of Science. Iss. 11: Ethos of Science at the Turn of the Century], Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 29–53.
8. *Coffa, A.* (2019). *Semanticheskaya traditsiya ot Kanta do Karnapa: k Venskomu vokzalu* [The Semantic Tradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station]. Transl. from English by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ., 528. (In Russ.).
9. *Kraft, V.* (2003). *Venskiy kruzhok: Vozniknovenie neopozitivizma* [The Vienna Circle: The Origin of Neo-positivism]. Moscow, Ideya-Press Publ. (In Russ.).
10. *Kuhn, T.* (1977). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ., 300. (In Russ.).
11. *Ladenko, I.S.* (1996). *G.P. Shchedrovitskiy v razvitiy geneticheskoy logiki i metodologicheskogo dvizheniya* [G.P. Shchedrovitsky in the development of genetic logic and methodological movement]. In: *Intellektualnye torpedy: Mat. nauch. konf. pamyati G.P. Shchedrovitskogo «Georgievskie chteniya»*. 20–22 fevralya 1995 g. Novosibirsk [Intelligent Torpedoes: Proceedings of the Scientific Conference in Memory of G.P. Shchedrovitsky “St. George’s Readings”. February 21–22, 1995]. Novosibirsk, 8–36.

12. *Mamardashvili, M.K.* (1992). *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I Understand Philosophy], 2nd ed. Moscow, Progress: Kultura Publ., 416.
13. *Mirskaya, E.Z.* (2005). R.K. Merton i etos klassicheskoy nauki [R.K. Merton and the ethos of classical science]. In: *Filosofiya nauki. Vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov* [Philosophy of Science. Iss. 11: Ethos of Science at the Turn of the Century], Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 11–28.
14. *Mirskaya, E.Z.* (1988). R. Merton i ego kontseptsiya sotsiologii nauki [R. Merton and his concept of the sociology of science]. In: *Kelle, V.Zh. & E.Z. Mirskaya (Eds.). Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya nauki* [Contemporary Western Sociology of Science]. Moscow, Nauka Publ., 42–60.
15. *Mirsky, E.M.* (2001). Nauchnoe soobshchestvo [Scientific community]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia], Vol. 3. Moscow, Mysl Publ., 35–36.
16. *Ogurtsov, A.P.* (1995). Moskovskiy metodologicheskii kruzhok [Moscow methodological circle]. In: *Russkaya filosofiya: Malyy entsiklopedicheskiy slovar* [Russian Philosophy: Small Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Nauka Publ. 351–352.
17. *Piskoppel, A.* (1995). K tvorcheskoy biografii G.P. Shchedrovitskogo [On creative biography of G.P. Shchedrovitsky]. In: *Shchedrovitsky, G.P. Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow, Shkola Kulturnoy Politiki Publ., XIII–XXXVII.
18. *Ladenko, I.S.* (Ed.). (1986). *Problemy logicheskoy organizatsii refleksivnykh protsessov: Tezisy dokladov i soobshcheniy v nauchno-metodicheskoy konferentsii. 2–4 dekabrya 1986 g.* [Problems of the Logical Organization of Reflexive Processes: Abstracts of Reports and Briefs at the Scientific and Methodological Conference. December 2–4, 1986]. Novosibirsk.
19. *Rozin, V.M.* (1991). “Soobshchestvo, v kotoroe ya voshel, bylo, bezuslovno, ezotericheskim” [“The community I entered was certainly esoteric”]. *Kentavr: Metodologicheskii i igrotekhnicheskii almanakh* [Centaur: Methodological and Game-technical Almanac], 2, 34–40.
20. *Rozin, V.M.* (2019). “Ya lichno vystraivayu svoju zhizn soznatelno” [I personally build my life deliberately]. *Chelovek.RU*, 14, 233–258.
21. *Smirnov, S.A.* (2020). Ontologicheskaya ustanovka (k voprosu o smysle ponyatiya) [Ontological attitude (on the meaning of the concept)]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2 (85), 3–20.
22. *Smirnov, S.A.* (2020). Pentekontera Georgiya Shchedrovitskogo [The pentekontors of Georgy Shchedrovitsky]. *Chelovek.RU*, 15, 54–99.
23. *Smirnov, S.A.* (2021). *Filosofskiy Davos kak povod dlya razvoda: Versiya M. Fridmana. Ch. 1* [Philosophical Davos as a reason for divorce: The version of M. Friedman. Part 1]. *Respublica Literaria*, Vol. 2, No. 1, 62–83.
24. *Smirnov, S.A.* (2021). *Filosofskiy Davos kak povod dlya razvoda: Versiya M. Fridmana. Ch. 2* [Philosophical Davos as a reason for divorce: The version of M. Friedman. Part 2]. *Respublica Literaria*, Vol. 2, No. 2. 50–73.
25. *Sokolov, M.M. & K.D. Titaev.* (2013). *Provintsialnaya i tuzemnaya nauka* [Provincial and indigenous science]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 19, 239–275.
26. *Forum: Provintsialnaya i tuzemnaya nauka.* [Forum: Provincial and Indigenous Science]. (2013). *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 19, 9–236.
27. *Friedman, M.* (2021). *Filosofiya na pereputye: Karnap, Kassirer i Khaydegger* [A Parting of the Ways: Carnap, Cassirer and Heidegger]. Transl. from English by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ. 352. (In Russ.).

28. *Tzelishchev, V.V.* (2020). Vse memuary lozhny. Eto staryy tezis [All memoirs are false. This is an old thesis]. Chelovek.RU, 15, 140–164.
29. *Tzelishchev, V.V.* (2014). Filosofskiy perepischik: perevody i razmyshleniya [Philosophical Scribe: Translations and Reflections]. Novosibirsk, OmegaPress Publ., 574.
30. *Shchedrovitsky, G.P.* (1995). Izbrannye trudy [Selected Works]. Moscow, Shkola Kulturnoy Politiki Publ., 800.
31. *Shchedrovitsky, G.P.* (2004). Moskovskiy metodologicheskii kruzhok: razvitiye idey i podkhodov [Moscow methodological circle: the development of ideas and approaches]. Iz arkhiva G.P. Shchedrovitskogo [From the archive of G.P. Shchedrovitsky], Vol. 8, Iss. 1. Moscow, Put Publ., 352.
32. *Shchedrovitsky, G.P.* (2001). Ya vseгда byl idealistom [I've Always Been an Idealist]. Moscow, Put Publ., 365.
33. *Merton, R.* (1973). The Sociology of Science. Chicago, University of Chicago Press, 606.

Информация об авторе

Смирнов Сергей Алевтинович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
smimoff1955@yandex.ru.

Information about the author

Smirnov, Sergey Alevtinovich – Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia)
smimoff1955@yandex.ru)

Дата поступления 29.08.2021